

*Моим бабушке и дедушке,
капитану Чарльзу П. Бойлу
и Мэри Макколи Бойл
с острова Арранмор*

ПРОЛОГ

Н а лугу, заросшем полевыми цветами, мальчик и девочка стояли перед древним дубом. Небо хмурилось, гром грохотал, словно сказочное чудовище.

— Ты готова? — с тревогой спросил мальчик.

Девочка подняла голову, её пшеничные волосы рассыпались по плечам.

— Я готова *всегда*.

Они приложили ладони к узловатой коре. Разбуженное дерево задрожало, вытягивая сучья. Короткое мгновение тишины — и сверху раздался треск. Молния ударила в дерево и расколола его пополам. Пламя охватило кору, перекинулось на ветки, поглотило листья, и вскоре дерево обратилось в спящий золотой факел.

— Бетти, — неуверенно промолвил мальчик, — должны ли мы...

— Тс-с-с, — прошипела девочка. — Оно что-то говорит. Дерево зашептало. Шёпот был громче, чем ожидал мальчик, — треск и шипение пламени превращались в слова:

— С-с-скаж-ж-жи или ус-с-слыш-ш-шь...

Девочка задала вопрос. Пока дерево раздумывало над ответом, она нервно постукивала пальцами по обуглившейся коре. Воздух сгустился, туман протянул пряди к её лицу.

Дерево не ответило.

Вместо этого оно обратилось к мальчику, попытавшись забраться к нему в голову. Извиваясь, мальчик рухнул на землю, из темноты перед его мысленным взором всплыло видение.

Он стоял на самом краю мыса, тучи стужались в его простёртых руках, ветер закручивал вихри. Мальчик чувствовал, как море шумит в его венах, оставляя соляные кристаллы в складках сердца.

Он знал, что уже никогда не будет прежним.

Бетти ошиблась.

Остров выбрал его.

Мальчик попытался моргнуть, сбросить морок, но дерево только крепче его сжало. Другое видение возникло перед ним. Видение, о котором он не просил.

— С-с-смотри, — прошипело дерево, — з-з-запомни-най...

Он видел мальчика, чуть помладше себя, но с такими же глазами и носом. В одной руке мальчик держал изумруд, травянисто-зелёный, как луговая трава, в другой — согнутый посох, который указывал в сторону моря. Они стояли на расстоянии, смотря, но не видя друг

друга, а в небе кружили вороновые крылья. Земля под ногами треснула, из-под земли выползла тень, и всё погрузилось во мрак.

Мальчик проснулся. Над лугом шёл дождь.

— Бетти, — сказал он, и капля упала ему прямо в рот. — Ты не поверишь, что я сейчас видел!

Девочка стояла над ним, в её сощуренных глазах пылало пламя.

Она ткнула его под рёбра.

— Лучше признайся, что ты вор!

— Перестань! — Он изогнулся, чтобы избежать очередного тычка. — Я должен кое-что тебе рассказать. Перестань, пожалуйста. Ой! Выслушай меня, Бетти. Я видел воронов. Я думаю...

Девочка не слушала. Она гордой поступью удалялась от него, шагая по мокрой траве и полевым цветам, задрвав подбородок в дождливое небо.

Мальчик хотел окликнуть её, объяснить, что это больше, чем она, больше, чем они оба вместе взятые, но девочка растворилась в прозрачном воздухе, оставив только лёгкое мерцание.

Мальчик постарался взять себя в руки. В глубинах земли тьма снова поднимала голову — тьма, которой ещё не знал этот мир.

И её было не остановить.

СПЯЩИЙ ОСТРОВ

Сутулившись в пластиковом кресле, Финн Бойл обхватил себя руками и прижал подбородок к груди, из последних сил пытаясь удержать внутри завтрак.

Паром скрипел. В глаза бросались ржавчина на боках и облезающая голубая краска, а паромный гудок ревел, как умирающая корова. Он старался не думать, сколько морской воды наглотается, если выпадет за борт. Тара на него не смотрела, но Финн знал, что сестра чувствует страх. Если его вывернет на собственные ботинки, покоя ему не видать.

В довершение Финна угораздило вклинить между двумя говорливыми старыми дамами, а телефон в кармане молчал. Нет покрытия. Ни одной полоски. Порой старые леди замолкали, пережёвывая собственные секреты,

словно были не в силах их проглотить; порой Финн ощущал с боков пронзительные взгляды, словно приглашающие его вступить в разговор. Впрочем, грохот волн временами заглушал все звуки.

И это было хуже всего: океан прямо под ним. Океан был чудовищем, и в самых страшных ночных кошмарах он всасывал и проглатывал Финна, заставляя вскакивать среди ночи в холодном поту.

Морской воздух обжигал лёгкие, щипал кожу на лице, пока он смотрел, как берег растворяется в зелёной дымке на фоне серого горизонта и исчезает из виду.

Финн уже скучал по дублинскому смогу, дребезгу дорожных работ, недостроенным трамвайным путям, которые разрезали город на части, сгоняя туристов с пеших маршрутов. Он никогда не задумывался, нравятся ли ему эти звуки, — шум города, пребывающего в непрестанном движении, — просто он привык к нему, а привычка для Финна означала дом.

Здесь же, напротив, не было ничего привычного.

Тара стояла на носу парома, оперев ноги в перила, словно собиралась прыгнуть за борт. Её спутанные тёмные волосы развевались по ветру, как канаты. Она обернулась, ища брата среди пассажиров:

— Иди сюда, Финни! Посмотри на волны! Такие громадные!

Финн покачал головой. Паром мотало на волнах, и вместе с ним подпрыгивал желудок Финна, пока его содержимое не поступило к горлу.

— Ну что ты как маленький! — подначила его Тара.

У Финна с сестрой была не такая уж большая разница в возрасте. Он ещё помнил времена, когда они почти

дружили. До того дня, когда ей исполнилось тринадцать, а ему всё ещё было одиннадцать, Финн с сестрой были заодно, но внезапно оказалось, что она слишком умна и искушена, чтобы, как прежде, играть с ним в видеоигры.

Я уже взрослая, Финни. У меня теперь другие интересы.

Финну было невдомёк, чем Тара измеряет собственную взрослость, но всякий раз именно он готовил ужин на троих, пока Тара, как Винни-Пух, выковыривала нутеллу из шоколадного батончика или, завидев паука, оглашала стены воплями.

Тара ухмыльнулась через плечо и забралась повыше, всматриваясь в волны и делая вид, будто на самом деле решила назло брату сигануть за борт. Финн подумал, что её и впрямь не мешало бы слегка макнуть в воду. Не до смерти, просто чтобы рыбы подплыли к ней и выели ту часть её мозга, которая делает сестру такой невыносимой.

Он перевёл взгляд на горизонт: если смотреть в одну точку, тошнить будет меньше. Мама говорила, так делают во время качки. Это последнее, что она сказала ему в Дублине перед тем, как попрощаться, и глаза у неё были ясными, а улыбка печальной. И внезапно они оказались в соседском автомобиле, Финн прилип носом к стеклу, и автомобиль помчался вглубь страны, увозя их от мамы.

Финн ждал, когда на горизонте появится остров. Тот самый, о котором мама рассказывала им, когда он был младше, и её глаза туманила загадочная дымка. Порой остров из её рассказов казался восхитительным местом, порой — печальным и суровым. Он был местом памяти об отце, который много лет назад пропал в море. Финн знал только, что этот остров преследует маму, и терялся в догадках, как же к нему относиться. Такие места порой

становятся не менее важными, чем люди. И, если позволишь им, способны обрести над тобой такую же власть, какой обладают люди.

Тара оставила свой намест на носу парома, вприпрыжку пересекла палубу и наклонилась к брату, оказавшись с ним почти нос к носу.

— Обязательно напускать на себя такой депрессивный вид?

Финну не нравилось, как она швыряется словами. «Депрессивный». Можно подумать, он нарочно. Можно подумать, это просто, как сменить цвет одежды. Ей легко говорить. Тара провела на острове прошлое лето и даже умудрилась завести там друзей.

— Я не хочу туда, — пробурчал он. — И не собираюсь притворяться, будто хочу.

— Ты никуда не хочешь, — возразила Тара. — Так бы и сидел перед экраном, хотя игрок из тебя никакой. Зануда!

Финн собирался ответить, что на самом деле ему хотелось остаться с мамой, быть рядом с ней, даже когда казалось, что она его не замечает. Ещё он хотел возразить, что разбирается в видеоиграх получше некоторых.

Вместо этого Финн сказал:

— Заткнись.

Тара вытянула из кармана батончик «Марс» — результат налёта на магазинчик при заправочной станции. Старая миссис Уотерс щёлкнула замком кошелька в цветочек, полного мелочи, и улыбнулась им во весь зубастый рот.

Берите всё, что захотите, мои милые.

Тара откусила от батончика и прошепелявила с полным ртом карамели:

— Это приключение, Финни. — Оглядевшись по сторонам, она понизила голос: — Остров — волшебное место. Погоди, сам увидишь.

— Ты так говоришь, потому что прошлым летом подцепила здесь парня, — промолвил Финн с ровным и глубоким презрением.

Тара замотала головой.

— Ничего подобного! Остров волшебный, потому что он полон тайн, Финни.

Финн попытался отогнать от себя запах её шоколадки.

— Каких ещё тайн?

— А вот этого я тебе не скажу! — Тара победно сверкнула глазами.

Финн презрительно сощурился.

— Не могу поверить, что придётся проторчать тут с тобой целое лето!

— Это ты зря, я вовсе не собираюсь проводить время с тобой. — Сестра наморщила веснушчатый нос. — Придётся тебе всё лето просидеть с дедом.

— Он уже нравится мне больше тебя, — вставил Финн.

— Ты ведь его даже не знаешь!

Финн разжал кулак, показав смятый билет на паром.

— Эта бумажка и то нравится мне больше, чем ты.

Тара помахала батончиком перед его носом.

— Какой ты ещё ребёнок!

— Сама ты ребёнок.

Финн дождался, пока сестра отвернётся, и бросил в неё билетом. Клочок бумаги запутался в её волосах, и Финн почувствовал себя немного лучше. Чайка носилась над бухтой, скользя по воде крыльями. Птица испустила свирепый крик, и, словно разбуженный им, впереди показался остров.

Участки суши, поросшие тёмно-зелёной травой, тянулись вверх от пляжа, взбираясь по перетекающим один в другой холмам. Тропинки вились между ветхими строениями, которые лепились вдоль причала, где песок был тусклым и грубым. Место выглядело до странности пустынным, словно остров спал.

Арранмор.

Именно таким Финн его и представлял — всеми забытая клякса на краю света. Самое подходящее место, чтобы его душа нашла здесь свою погибель.

Тара рванулась обратно на свой насест, и Финн ощутил себя шариком, из которого выпустили воздух. Он наблюдал, как мутные пятна обретают форму, превращаясь в людей, магазины, дома, автомобили и бесчисленное количество рыбачьих лодок. Финн попытался представить маму здесь, в этом странном месте. Вот она бродит по причалу, заходит в лавки за хлебом или молоком. Стоит на берегу, скрестив руки на груди и вглядываясь в океан. Но как Финн ни старался, картинка не складывалась.

Когда паром со скрипом пристал к берегу, Тара не оглядываясь бросилась вперёд. Финн медлил на краю причала, в позвоночник словно вогнали прут. Происходило что-то странное. Земля вибрировала под ногами, подошвами он ощущал слабые толчки, как будто его шаги были тяжелее, чем на самом деле. Ветер вился вокруг, трепал волосы, затакивал дыхание в глотку, и Финна захлестнуло безумное чувство, будто остров раскинул руки и хочет обнять его.

Финн разглядывал неровную линию мыса. Вдали, на краю бухты, где шиповник и папоротник оплетали пологий склон, возвышался одинокий коттедж. Дым торчал из трубы на фоне заката, словно указующий перст.

Ветер подталкивал его вдоль причала. Дымок вился из трубы коттеджа, поднимаясь вверх, серый на фоне розовеющего неба.

Словно манил его.

Финн почти слышал чей-то шёпот: голос, незнакомый прежде, голос, глубоко отзывающийся в костях и венах. Голос, которого невозможно было послушаться.

— Приди ко мне, — зывал голос. — Приди домой.